

БАРХАТНЫЙ СЕЗОН

Позади – тряска автобуса, освоения номера в пансионате и первый выход на пляж. По дороге ноги занесли в магазинчик. Чем-то похож на деревенский. Навалено всего понемногу, в основном пляжного, летнего и спиртного. Это и понятно: я – километрах в ста южнее Барселоны, на пляжной полосе между городками Камбрильс и Салоу, где в ядерной мирной реакции тянутся друг за другом отели, апартаменты, гостиницы, санатории. Где-то тут и мой пансионат. В сентябре людей меньше, солнце – добрее, море – теплее. Побережье называется Costa Dorada («коста» – берег, «дорада» – золотой). Берег с позолотой. Золоченый берег. Эльдорадо, словом.

У входа на пляж бродят капричос Гойи. Квадратная женщина с прямоугольным лицом. Колобок на нитяных ножках. Гном-старик ковыряет палкой в мусоре. Увидев меня, он приосанивается и виновато-сокрушенно поднимает плечи – «ничего нет стоящего!» Я в ответ тоже сочувственно пожимаю плечами – ясное дело, кто же стоящее оставит?.. Он бредет восвояси, я иду своим путем.

Песок пляжа желто-коричнев и бугрист – будто стянули шкуру с варана и разостлали сушиться под неторопливым солнцем. Песок изъеден тысячами следов. Чьи они?.. Кто их оставил?.. Мавры, инквизиторы, мараны, конквистадоры, идальго, доны, гранды, тореро?.. Ходили, ходили, готовились

и собирались, отплывали и прибывали, грузились и сгружали, прощались и плакали... Уходили на поиски нового неба, а привозили вместо облаков бочки золота и слитки серебра.

Пальмы, крики, песни, гитара и лавр, которым, действительно, пахнут ночи. И непонятная быстрая речь:

– Хр-хр-хр... алау, улау, оля... лоп-хоп...

Над пляжем – облака с полотен, будто тут стоял Веласкес, весь в красках, обласкан и ласков. На песке – дети, собаки, люди. На зеленой глади моря – белые парусники, цветные моторки и яркие матрасы. Спокойные люди загорают под неторопливым солнцем. Через дорогу от пляжа, за забором, возится испанская семья. Слова непонятны, но интонации ясны. Вполне можно не понимать смысла, но постигать суть. Можно воображать какие угодно диалоги. Меньше понимать – больше знать.

В щель зеленого забора видно: шумливые испанские дети играют с толстым щенком. Плотная мама 56-го размера возится с детьми. Заросший волосами папа в майке ковыряется в машине. А бабушка в черном орудует на летней кухне, из-под навеса которой уже ползет запах жарящейся рыбы. На плите, в сковородке размером с покрывку, желтеет паэлья – народное блюдо (морские продукты с рисом и курицей).

Испанцы ни на каких чужих языках говорить особо не расположены, но доброжелательны и вежливы. Чем-то напоминают прежнее население нашего Черного моря. Коренасты, шустры, невысоки, волосаты с обеих сторон, коротконоги. Вылитые кавказцы по виду, жестам и манерам. Частят испанской скороговоркой. Слова – как в цепочке, звена не вытаскишь, плотно пригнаны и надежно связаны. На приезжих смотрят вежливо, но как-то пусто и мимо – так, очевидно, хозяин стада смотрит на своих овец, которых ему предстоит стричь, доить и кормить. У многих испанцев за тридцать явно намечены животы (любят подолгу сидеть в ресторанах).

Зато все российские мужики, встречаемые на пути из Камбрильса в Салоу, были с необъятными брюхами. Видимо, эти два понятия – «деньги» и «брюхо» – неразрывно связаны. Еще Тургенев писал, что любой русский мужик, став старостой, тут же начинает воровать и жиреть. Даже если мужика переименовать в «господина», суть его останется прежней – мужицкий ум короток, но упрям, как кабаный член: мне, мне, мне, а там пусть все горит огнем, летит кувырком, идет пропадом и сгинет под топотом.

Впрочем, на море не только старосты, но и все остальные едят день и ночь по принципу «завтрак никому не отдавай, обед рубани сам, полдник укради у товарища, а ужин съешь втихомолку под одеялом». Например, в моем пансионате расписание приема пищи такое: «завтрак – с 8 до 11, обед – с 1 до 4, ужин – с 7 до 11», и как ни пройдешь мимо жевальни, обязательно видишь через стекло, как шведский стол переходит в испанский ужин.

Ходят юные Кармен в пляжных костюмах. Прекрасные смуглые лица. В ушах и носах – железки. На плечах – татуировки: синяя кошка жметя, жеманится в такт движениям, тюльпан складывает лепестки при ходьбе. Розочки на ягодицах строят рожицы, капли росы норовят упасть в трусы.

Испанки в массе миловидны. А верхний этаж почти у всех – очень даже ничего. Глядя на эти налитые бюсты, можно понять, почему поза, в народах известная как «между грудями», в Европе именуется «по-испански». Теологическое объяснение такое: после инквизиции испанки стали такими набожными и сдержанными, что максимум, что могли выделять своим донжуанам – так это ложбинку в бюсте.

Ну и за это спасибо. Ложбинка – это очень даже немало. А тем худым доходягам, у кого бюст мал и в ложбинку никак не укладывается, Игнатий Лойо-

ла продавал индальгенции. Рот стоил дешевле зада, но был дороже бедер. Торквемада знает, как надо. Он избавит от ада, хоть «Молот ведьм» еще не вылит в медь.

Ночь была – глаз выколи. А утром пляж причесан, как жених. Очевидно, у небесного дворника есть большая метла, которой он каждую ночь прибирает за людьми, жуя их в сердцах, однако не гневаясь – какой смысл сердиться на детей?. Так, разочек полыхнет – и улыбается себе в сталинские усы.

За спиной – перебранка трех официантов в пляжном кафе. А ощущение от интонаций такое, что это корабельная команда из убийц и мародеров делит не добытое еще золото, и один бородатый кабарьеро уже даже убит ножом, хотя до золота еще далеко, океан коварен, капитан бредит в опиумном сне, а сама каравелла скоро потерпит крушение на рифах.

Негры-офени заняты продажей всякой дряни, носят на головах ящики с псевдогуччи, лжеванглером и туфта-ролексами. Натаскавшись со своим жухлым скорбным скарбом, они собираются под большой пальмой и лепечут о своем. Им загорать не надо, и так черные.

Стволы у пальм – точно слоновьи ноги, будто обернуты плетеными циновками, перепоясаны волосатыми ремнями. Пальма генетически знает, что человеку нужна тень. Негры-лентяи собираются под ее стволом и лопочут между собой. А нога пальмы покачивается, трясет листьями – рада, что пригодилась хоть этим разносчикам барахла и бактерий.

День начался. Барыги с мешками, полными «Босса» и «Лакосты», потянулись вдоль пляжа. Два капричоса уже роются в мусоре. Один – низкий, хромой, вровень с урной. Вылитый Пикассо в кепке. Другой – высокий, желчный, загорелый Дон Кихот. Ему легко заглядывать в урны. Он уже допивает молоко из пакета и закусьивает огрызком булки. А Пикассо в кепке тщетно вертит плоской головой – он еще ничего не нашел себе на завтрак.

В Барселоне на главном бульваре – толпа со всего света. Шуты и клоуны вертятся среди туристов. Вот маскообразный белый живой манекен сидит на золотом унитае, откуда время от времени доносится урчанье воды. Восторг зевак. Дудит в берцовую кость абориген, похожий на одетого в джинсы орангутанга. Он воет заунывно, как на похоронах, постукивая об асфальт камнем в такт неизвестному ритму, хранимому в закоулках сумчатой души. Какие-то подсолнухи на ходулях танцуют твист.

Очевидно, бог был прав, создав вавилонский лингвохаос. Меньше контактов – меньше конфликтов. На пляже народ со всего мира, языково разобщен. И слава богу, ибо всем ясно, что совпадение симпатий, языка и ситуации если и желательно, то мало реально.

Шустрые азиаты играют на банках с водой. Факиры лопают огонь и плюются серой.

Дома барселонских богачей – в мозаике, резьбе, скульптурах и инкрустациях, с балкончиками и щедрой позолотой. Много узорных решеток, скульптур, мраморных вставок, врезок, колонн, перемычек. Странные, удивительные строения, поражают силой камня. На площади – статуя Командора, открывшего секрет земного шара. Он указывает вечным пальцем: «Двигаясь на запад, попадешь на восток. Двигаясь на восток, попадешь на запад». Под его чугунной рукой продают попугаев, черепах, варанов, канареек. Художники вырезают профили, пишут анфасы. Кто-то плетет африканские косы. Танцуют фламенко, бьют чечетку, вертятся колесом.

Одна пожилая женщина в плаще-болонье наяривает на аккордеоне «Катюшу». Лицо родное, советское. Между песнями спросил у болоньи:

- Откуда, родная?
- Из Воронежа.
- Каким ветром?
- Дочка замужем была, да муж выгнал. Вот и побираемся. – Она честно посмотрела на меня. Дал ей денег:
- «Сулико» можешь сыграть?
- Понимающе хмыкнув, она поправила баян и громко объявила, удивляя посетителей кафе:
- Посвящается Иосифу Виссарионовичу Сталину! Любимая песня вождя мирового пролетариата-

та и грозы империалистов, чтоб им всем пусто было! – добавила она тише и потом долго и неумело играла «Сулико», перемежая ее «Подмосковными вечерами» – очевидно, вождь их тоже любил.

Вечером над пансионатом низкие, крученые облака. Деловито куда-то ползут. Хоть бы ночью небесный сторож не забыл поставить на вахту беспечный ветер. Тогда облака уйдут прочь и откроют желтую улыбку солнца. А пока – сидеть на балконе, пить виски и смотреть на море.

Внизу играют интеллигентные западные дети. Никто не орет, не пищит, не визжит, не плачет и не дерется. Все чинно-благородно роются в песочке или за столиками вместе со взрослыми тянут через соломинку кока-колу, глазают по сторонам, постигают с детства этикет этики. Это им потом в жизни очень пригодится.

А после долгого прослушивания испанских песен стало ясным: если надо чисто и аккуратно убить человека, то лучше всего привязать его к динамику и заставить слушать громкое и заунывное, без начала и конца, испанское пение под загробный стук кастаньет, будто скелеты танцуют ламбаду.

Наутро, на похмелье, лучше всего опять пить виски, предварительно зарыв его в песок и нагрев до +42°. Грамм 70 – и тут же соленьким запить: божий рассол тут же плещется. Постоять на солнце, подождать. Выкурить сигарету – и повторить. Всего три раза, с перерывом в десять минут. А потом – лечь где-нибудь поспать в ложбинке... А во сне увидеть, как у палитры мурлычет Мурильо. И Хуан Миро пишет перо и пьет с Лоркой вино с хлоркой. А кто там в пыли?.. Сальвадор Дали?.. На веранде ему постели!.. Эль-Греко отгрыз себе веко. Гойя лишился покоя. И наконец, Торквемады громада плывет, как армада...

На пляже никто никому на нервы не действует. Никто никого не клеит и не шьет. Все заняты общением с солнцем. Очевидно, бог был прав, создав вавилонский лингвохаос. Меньше контактов – меньше конфликтов. На пляже народ со всего мира, языково разобщен. И слава богу, ибо всем ясно, что совпадение симпатий, языка и ситуации если и желательно, то мало реально. Поэтому никто не спешит, все больше прислушиваются и присматриваются.

Все спокойно на священном берегу Медитерании. И если есть немного свободных денег, то лучше всего купить тут отель, пансионат или доходный дом. Никакой Черномырдин его не приватизирует. И три-

жды безрукый Герашенко не похитит. И ненавистный народам Чубайс на ваучеры не пустит. И никакой другой вор-государственник или народный шут, под шумок грабящий свою смеющуюся публику, этот дом не отнимет, если документы в порядке. Тут другие законы, хоть и испанские. А солнце людям всегда нужно. Оно, хоть и бесплатное и общее, но дорого стоит, если за ним с севера приезжать.

Ночью бог, вместо того чтобы убирать пляжи и солить моря, занимался разбоем и грабежом – полыхал молниями, бил громом, корчевал деревья и дебоширил в гавани, переворачивая невинные корабли, ломая хребты мачтам и срывая покровы парусов. Хватит, бог, успокойся, отдохни! Корабли ни в чем не виноваты! Они – только покорное дерево, глупое железо и простодушная ткань. А главные бунтовщики, которые рыскают по твоим владениям и разнюхивают твои секреты, – это люди, не корабли. С них и спрашивай. Их и карай, если надо. Но оставь жить! Даже генерал Франко не шурует спозаранку. И Лойола не пакует людишек в три слоя.

На пальмовой аллее познакомился с инженером из Москвы. Он, как и я, уже много лет работает в Германии по контракту, а раньше часто бывал по служебным делам в моем родном городе, о чем он с ходу стал вспоминать:

– Господи, как было хорошо в Тбилиси! Сказка! Помню, поехали мы контракт подписывать. После официальной части повели нас в ресторан на фуникулере, на горе Святого Давида. Сидим на веранде. Май, божественная погода. Весь город в дымке. Лежит, как на блюдечке. Справа, помню, замок на обрыве стоял и дома к скале прилеплены...

– Ортачала, – подсказал я.

– Вот-вот. Кто-то играет в зале на рояле. Ветер раздувает занавески. Стихи, тосты, глаза красавиц... Пение. Ощущение братства, покоя, гордости и правоты... Стол, конечно, ломится. Я выпил уже достаточно. Вдруг вижу: два повара выкатывают на веранду тележку с ящиком сливочного масла, примусом, котелком и горой сырых цыплят. Думаю – что такое? Дверью ошиблись? Ничего подобного! К нам пришли! Повара поприветствовали нас, выпили по рогу, разогли примус, поставили на него котелок, развернули брикеты, покидали масло в котелок, растопили. Дождались, чтобы закипело – и начали окунать в это желтое варево цыплят! Берут за кончик крылышка, окунают на пару минут – и готово: шипит на тарелке!.. Такой

вкуснятины я в жизни не ел, хотя и поездил по миру... Эх, да что говорить! Мне хотелось прямо с этой веранды взлететь в небо! Я не шучу!

Я знал, что он не шутит. Я даже был уверен в этом. Потому что вырос возле этой Святой горы. И знаю, как пахнет май. И как хорошо виден с фуникулера город, дом и двор. И какими обольстительно-тайными могут быть глаза гордых красавиц.

Поговорив о том о сем, сошлись на том, что людей сердечнее, дружелюбнее, талантливее и гостеприимнее, чем в свое время в Тбилиси, нам уже нигде не встретить. Однако обрывки цепей, разорванных при ломке советского мира, сейчас больно бьют по обществу, и жить одинаково тяжело как в Тбилиси, так и в Москве. И нет желания прозябать в рабстве, нищете и произволе. Да и после стольких лет в Европе вряд ли уже возможна дорога назад, в недостройку. Одной рукой за два места не ухватиться, надо выбирать.

Помолчали. Выпили «Столичной», произведенной в Мадриде. Инженер рассказал, что оформляет сейчас бумаги на развод: женился на немке, а жить не может – разные менталитеты. Жена по имени Армгильда живет своей жизнью, вопроса «где была и что делала» задавать не позволяет, ездит куда вздумает и ходит по кафе и ресторанам.

– А я в гробу видел эти немецкие рестораны! Чего туда ходить? Только деньги тратить! Немецкий ресторан – это же морг, где вокруг белых столов сидят мумии и молча жуют человечину! Когда я ем, я глух и нем! Спасибо за такое угощение! В столовой крематория обедать веселее!

Потом он недобро вспомнил, что недавно был по работе в Индии и познакомился там с интересным решением супружеских проблем. Если какая-нибудь из жен надоедает, стареет или болеет, то индус идет на угол, покупает банку бензина, обливает им жену и поджигает ее. А потом стремглав бежит в полицию и сообщает, что произошло несчастье – жена на себя керосинку перевернула и сгорела дотла. На кухне, особенно в Индии, чего не бывает!.. Полиция понимает (сами мужчины). Семьдесят процентов смертей – от керосинки, всем известно. Пара рупий снимает ступор. Жену – в хижину-морг, а для индуса – новый торг: жену искать и приданое считать. Следующую жену тоже ждет огненное перевоплощение. И так – сколько бензина хватит.

– Вот как люди устраиваются! – невесело пошутил инженер.

– Да, в Германии никого не сожжешь – смотри, как бы самого не запалили, – отозвался я.

– Тут вообще все права на стороне женщин. И развод – это катастрофа, – подытожил инженер.

Бог медитеран отходчив: энергично побушевав ночью, к утру он успокоился, впал в паралич ранней сиесты. Небесная баранта постояла-постояла да и побрела к другим лугам. А солнце с неодобрением нависло над пляжем, прикидывая, что можно еще высушить после ночных проделок излишне темпераментного ветра, родившегося этой ночью.

Южные идола отходчивы, ленивы и щедры, не в пример сердитым северным богам – угрюмым, холодным, брезгливым, которые могут месяцами дуться на людей и завешиваться от них туманом. В отличие от своих безалаберных и незлобивых южных коллег, северные боги мстительны, мелочны и злопамятны. От них человеку всегда приходилось прятаться и спасаться. А как это сделать, если основательно не пораскинешь мозгами? Поэтому наука и техника пошли вперед на севере, в то время как юг остался на уровне рукоделия и ремесел. Прогресс не живет под пальмой с дармовым кокосом...

Пляж подсох. Ямки темны от влаги, а верхушки бугорков уже посерели. Песок принимает первый загар со скрипом, но покорно. Он знает, что это неизбежно. После ночного шторма море еще страдает одышкой. Пульс волн то замирает, то частит. И ни одна волна не похожа на другую, как и всякий акт творчества. Возле переодевалки, на песке, – какие-то странные овалы, похожие на отпечатки пальцев, будто их оставил бог перед тем, как уйти на дневной покой.

Под солнцем хорошо заниматься психоанализом с самим собой. И близкие избавлены от скулежа. И деньги на лечение экономятся. И время быстрее идет. Сам себе врач, сам себе пациент: «Больной, вы разве не знаете, что для счастья надо изъять из сознания все, мешающее счастью?!» – «Знаю. Уже изымаю...» Изыми – и будь счастлив. А что не изымается – забудь, сдай в утиль, оно и отомрет само собой, как ненужное, по злой теории Дарвина. Только не ошибись и объекты строго из сознания, а не из реальности, изымай.

Злые на непогоду и отсутствие голого рынка сбыта негры недовольно лаются под пальмой – то ли очки «Пако Раббан» не поделили, то ли насчет УНИТА во мнениях разошлись. Там у них в Африке не сладко. По радио недавно передавали, что во время бесконечных войн голодные повстанцы умудрились съесть (в прямом смысле) все племя пигмеев: ловили сетями и жарили на вертелах, как поросят.

Нету теперь больше пигмеев. Некого показывать туристам.

Вот тебе на! А я думал, что в Африке до демократии – два шага, рукой подать, прыжок котенка! А тут такое! ООН, прежде чем демократию на Черном континенте вводить, пусть хотя бы каннибализм там искоренит, а то как-то неловко получается. Приведут, например, такого повстанца-людоеда в суд. Вуду-прокурор вопит с пальмы:

– Ты пигмеев съел? Съел. Мы знаем, не отвертись. Две коровы видели и три овцы подтвердят. Значит, ты право пигмеев на жизнь нарушил. И мы, демократы, этого не потерпим!

– А я голоден был. И у меня тоже есть право на пищу. И на жизнь. Если б не съел – сам бы умер голодной смертью, – отвечает повстанец, наученный шаманом-защитником.

И судья-колдун уже в растерянности: поди разбери, чье право выше: пигмеев – жить или повстанца – не умереть с голоду?..

Вот такой рубик кубика.

На пляже люди впадают в детство: напялив панамки и трусики, роются в песке, копаются в грязи, кидают в море камешки, плюют в прибой, крутят обруч или бродят парами, поедая мороженое. Зачарованно глазят по сторонам детскими глазами. Разевают рот на все, что идет, бежит, летит или плывет. Лапшу с ушей развешивают на общий плетень. Забыты все домашние проблемы. На первый бал выходит глобал. Где вкуснее мороженое: у этой толстой дуэньи или возле той паэльи? В каком ресторане рыба хрустит лучше? Где музыка визжит громче? Как найти туалет? Где наш билет? Панамки-бананки. Шлепанцы-халаты. В каком сервис-шоппе доступней талон? Где телефон? Это какой район?.. Ночью мигает диско плафон. Утром – море и сон. Первородный бульон.

После ночного шторма урны перевернуты. И местные капричосы рассеянно и печально кружат вокруг павших рогов изобилия – сегодня явно предстоит разгрузочный день. Пикассо в кепке трет морщинистое лицо шкуркой от банана. Тощий Дон Кихот жует огрызок багета, тусклым оком заглядывает в купальные кабинки, ворошит рогатиной черные покойницкие мешки с мусором.

Небо неожиданно, как в кино, затянулось лиловой, похожей на раковую опухоль тучей. В зловещей тишине справа возникли черные точки птиц. Они летели по две, по три. Летели целеустремленно, молча, быстро. И от их молчания становилось жутко. Казалось, птицы покидают нашу землю навсе-

В зловещей тишине справа возникли черные точки птиц. Они летели по две, по три. Летели целеустремленно, молча, быстро. И от их молчания становилось жутко. Казалось, птицы покидают нашу землю навсегда. А за ними идет что-то неведомое, но страшное.

гда. А за ними идет что-то неведомое, но страшное. Мрачные птицы на лиловом небе. Негры тоже с опаской косятся из-под пальмы наверх. Даже гном-капричос поднял к небу землистое болезненное лицо и со страхом смотрит на своих соперниц по раскурочиванию урн.

Странные вещи обнаруживаются на пляже. Пришел какой-то крепкий старик в панаме, усах и «семейных» трусах. С миноискателем, похожим на пылесос. Он водит трубкой над песком, время от времени выкапывая что-то и кидая в заплечный мешок. Что собирает – неизвестно. Какое железо может быть в песке? Потерянные колечки? Крышки от бутылок? Монетки? Или от властей работает, стальной мусор собирает, чтоб отдыхающие ноги не резали? Потом напишет отчет в небесную канцелярию – «привет, мин нет, а найден стилет, кастет и корсета скелет».

Вот наглый негр-офеня мочится с колена: стоит лицом к морю в позе рыцаря и пишет. Издали ли за что не догадаться, чем человек занят: завязывает ли шнурок, разглядывает ли что-то или собирает мелочь с песка. Век живи – век учись.

Идут по кромке прибоя две женщины в одинаковых купальниках, что-то высматривают в пене. Вдруг одна нагнулась, выхватила из воды зеленую виноградину – та давно металась в прибое среди щепок, тряпок и всякой прибойной дряни. Обсосала и съела. Зачем женщине эта виноградина? И вирусов не боится.

Припылили здоровенные усатые пожилые голландцы. Принесли с собой ворох полотенец и сетку стальных шаров размером с апельсин. Вот уже час нудно кидают их, стараясь попасть шаром по шару. Неторопливо делятся мнениями. Мерно и веско ходят и метко бьют, вызывая усмешки негров-разносчиков – те считают под пальмой барыши, звенят мелочью, исподволь поглядывая на белых детей Севера, изволивших играть железом на солнцепеке. Будь у них столько денег, сколько у белых, они бы целыми днями лежали под опахалами и лакомились мозгом живых обезьян и мертвых пигмеев, а не бегали по жаре с чугуном. Не поймешь этих мбана! Совсем их бог ума лишил!..

Инженер из Москвы (после второй «Столичной») пугал, что скоро-де ударит в Землю невиданный метеорит, продырявит ее насквозь. Вся вода уйдет в щель. Начнется вечный отлив. Постепенно дно морей и океанов обнажится. Люди будут сидеть на краях огромных бездн, заваленных миллионами тонн морской тухлятины. Мириады мух, слепней и трутней повиснут над гниющей плотью. Без воды загорится тайга и сельва. Вспыхнут джунгли. Затянутся дымами небеса. И люди погибнут от вселенского смрада раньше, чем от жажды и голода. Потом Земля высохнет и станет похожа на череп. Впадины океанов-шек, горы скул и полюс лба – вот что останется от Земли. Радостный прогноз... Давай лучше мадридской «Столичной» выпьем, пока метеорит в полете и море еще на месте!

Ночью метеорит не прилетел, но пляжное кафе, возле которого я обычно загораю, ночью было кем-то взломано. Сквозь пустую витрину виден пол в битой посуде и разноцветных лужах. Валяются ложки, ножи, пакетики чая. Агрегат для соков разворочен кувалдой. А к деревянному порогу прибит гвоздем раскрытая веером колода карт. К картам никто не прикасается – полиции еще нет. Из косноязычной беседы капричоса в кепке и негра-офени я уловил, что сын хозяина не уплатил карточный долг, за что отец и поплатился. Вот тебе и испанские нравы! Не все так тихо, как кажется!

К концу сентября появились бывшие совграждане (льготные путевки). Высадился десант числом до двадцати, явно не из столиц. В ресторане сдвинули столы, заказали несколько бутылок вина, завели обычные разговоры о том, что утром персики давали, а вечером – нет, и можно ли брать добавку на шведском столе, и кто что видел, и что где есть, и где чего нету, кого где обсчитали хитрые испанцы, и вообще где какой непорядок замечен.

А потом, после еще нескольких бутылок, был дружно пропет куплет «По долинам и по взгорьям». Официанты умилялись – выгодные клиенты!.. Лишних вопросов не задают, ерундой не донимают, на чай со страху дают много и сами все понимают. Веселый народ!

И правда – чего не веселиться? По долинам и по взгорьям дивизия добралась уже до Пиренеев, разбрелась по Лазурному берегу, обосновалась на Канарах, Карибах и Магрибах. И если кровавый маньяк Буш не ввергнет мир в пучину атомного добра, то можно будет продвигаться и дальше по пути Колумба. Странно, но почему-то всегда во главе мира должен стоять параноик, шизофреник, убийца или садист. Это закон, видно, такой, людям непонятный, но вполне ощутимый.

Скоро похолодает. Подует с моря ветер. Отдыхающие бросят мячи и воланы. Встанут, оглянутся. Застыдятся своей наготы. Напялят одежду и превратятся в скучных взрослых. И уедут. Станет холодно. Бог тепла – скряга и жмот, все под себя жмет. Даст погреться три-четыре месяца, а потом – баста, адюс до лета!

Капричосы и негры тоже приуныли: осень на носу, людей стало меньше, а проблем – больше. Скоро некому будет бросать остатки мороженого в урны. Никто не купит «Картье» из Шанхая, никому не надо по дешевке штанов от «Версачи» и носков из дома Ферре.

Скучные взрослые разъедутся по своим туманным странам. Капричос отправятся в Барселону, Мадрид или Толедо, где круглый год людно, а значит, и не голодно.

На море приезжать весело, а уезжать – грустно. Счастливы те, кто живет рядом с морем. Правда, они подчас не замечают его, как муж не видит каждодневной красоты жены. Но это их супружеские отношения, в которые влезать не стоит.

И в последний день, как обычно, по приморскому бульвару поедет мусорная машина и будет мохнатыми клешнями сгребать в свой ненасытный кожаный зоб мусор с земли. А потом, как всегда в полдень, спортивный самолетик чинно протащит на тросе дельтапланериста, похожего на крылатую душу, привязанную к телу.

Произведен последний заплыв. Брошена монета. Пора заводить мотор, сматывать удочки, сниматься с якоря. Еще надо отделаться от легкого и приятного сюра, которым окутывает испанское побережье в бархатный сезон, когда и уставшие хозяева, и притихшие гости тихо думают о будущем.

Взаимное удовлетворение схоже с тем, какое испытывают друг к другу бармен и клиент: бармен, кидая в фужер много льда, экономит напитки (=деньги), ибо лед топится, ненавязчиво замещая собой выпитое; чему клиент, в свою очередь, тоже рад – у него всегда полный стакан и он, значит, тоже экономит деньги! А что виски послабей – так это в полутьме не видно. И в желудке градусника нету: 38° ввехало или 33° – кто разберет, кроме немых, на все согласных бактерий и палочек?

Я уезжал. А колесо жизни скрипело дальше: из жевальни слышен звон и стук, люди не спеша тянутся на пляж, киоскер расставляет стенды, распахивает газеты («Комсомольская правда», «Совершенно секретно», «СПИД-Инфо», «Отдохни-погуляй»). Развешивает надувные матрасы и купальные причиндалы. Заспаные капричосы начинают охоту за ненужным (люди борются за куски пирога, а бродяги – за их объедки). Негры-барахольщики раскладывают свой лежалый товар. А море скидывает оцепенение, лениво отрясая свой ночной пенистый пеньюар. Оно-то умеет изымать из себя ненужное, нам бы поучиться.

2002 год, Коста-Дорада, Испания

ПЛЯЖНЫЕ ЗАМЕТКИ

В испанском курортном городке Салоу вместо традиционной колоннады – пышная пальмонада из древних лапчатых пальм. Вдоль нее тянутся всевозможные «шоколатерии», «фармации», «желатерии», «багетерии», есть даже «сэндвичерия».

Тут и там стоят старые виллы в плюще. Они молчат, но мрамор ступеней, мозаика и витые решетки помнят, как предок нынешнего владельца, идальго-конквистадор, привез из Нового Света 60 бочек золота, перетопил их на долота и открыл дело около города.

Испанцы – народ плотный, кряжистый, крепкий, со строгими и значительными лицами. Носы прямые, без горбинок, а лица, действительно, странно-удлиненные – Эль-Греко только подчеркнул этот факт, но отнюдь не выдумал. Курносых, круглых, толстых ряшек и рож, как на картинах Питера Брейгеля, нет.

В Испании сосредоточены огромные состояния, возникшие после грабежа Америки, террора инквизиции, владычества на морях, разграбления колоний и захвата имущества мавров и маронов. Все это успели сделать испанцы раньше. Теперь они (как и другие древние нации) на отдыхе: заняты продажей солнца, пляжей и морских волн.

Главный звук испанского алфавита – это раскатистое, раскидистое и развесистое «р». Этот звук создан для заговоров, мрачных анфилад, кинжалов, капюшонов, тайн. Другой опорный звук – свистящее, раздвоенное, скользящее «с» – им хорошо отдавать приказы, карать и посылать на казнь.

Интересно, как Остап Бендер собирался жить в Рио-де-Жанейро без языка? Как бы он там выдавал себя за незаконного сына португальского короля? Ведь его сила – в его речи?.. Без языка сразу проколешься и срежешься. Или он рассчитывал быть таким богатым, чтобы вообще не говорить (ибо богачам язык не нужен, можно объясняться жестами, отлично поймут во всем нашем нищем мире)? Однако чтобы молчать всю жизнь, надо иметь много золота. Столько на себе через границы не пронести.

Испанские официанты надменны, грубы и заносчивы. Их грандиозная (грандовская) гордость явно страдает от необходимости прислуживать всякому, кто платит. Но, получив на чай, они на глазах добреют и спешат вытряхнуть пепельницы, которые раньше с размаху свыряли на стол.

Ночью в пальмонаде горланили пьяницы и били бутылки. Звуки бьющейся посуды звучали очень по-родному.

Миллионериус и миллиардериус были у нотариуса, подкупили архивариуса, обманули Авенариуса, съели хариуса, а потом смотрели в опере Мариуса.

На некоторых магазинчиках надписи на хромом русском: «ЩУБЫ», «Коша», «ЕТАЖ», «ПРАКАТ МАШЫН».

В китайском ресторане не было утки. А что такое китайский ресторан без жареной утки?.. Франция без баб, Персия без опиума, Грузия без тостов, Россия без бунтарей...

Бывсовлюди на пляже группками негромко беседует. С разных сторон слышны реплики сходного плана:

- Машина сломалась, не успели на вокзал...
- Рейс задержали – не смогли вылететь...
- Визу не хотели оформлять...
- Приехали – а брони нет...
- Обещали вечером завезти, но забыли...
- Дозвониться невозможно – телефон капутнулся...
- Туда не проехать – дорогу развезло...
- Сюда не послать – почта не работает...

Разговор за пинг-понгом между брюхатым газовиком из Тюмени и смуглым парнем в панаме. Парень интересуется:

- Раша?
- Йес. А ты кто? Шпаниель?
- Но, баск! – Парень гордо бьет себя в грудь: – Сан-Себастьян! Баск!
- А, баск! Знаю! Мафия! Вери гуд! – Газовик поднимает в одобрении большой палец и показывает руками: – Пиф-паф! Бомба!
- Йес, йес, – радостно кивает баск, тоже поводя руками: – Пуф-пиф! Бух! Бомб! – Подумав секунду, он добавляет: – А, чечен! Гуд, гуд! – И показывает руками большие воздушные волны. – Мени, мени бомб, бух-бух!

Газовик сквозь зубы ворчит:

- Да уж, это не ваши 200 грамм тротильчика со звоночками и извинилками! – Потом заключает веско: – Вери йес! Раша из мени, мени гуд!

Испанцы говорят, что баски похожи на руку или ногу, которая в своей гордыне возомнила, что может жить отдельно от туловища. Много уже таких рук и ног ползает по миру.

Вначале молодой политик думает, как бы сделать свой народ счастливым (и себя с родней и любовницами не забыть). Но постепенно ему становится ясно, что того и другого вместе никак не

бывает. Поэтому вопрос о народном счастье начинается постепенно тускнеть и меркнуть, уступая место главной проблеме. А об остальном позаботятся цюрихские гномы, женеvские гады или кипрские крысы.

Отсутствие денег воленс-ноленс сближает человека с людьми и реальностью, а наличие – всегда отдаляет и отделяет. Чем больше денег – тем человек дальше от людей, тем он более одинок, пуглив и недоверчив («ты – царь, живи один...»). Немецкие богачи, основатели концерна «АЛЬДИ», Альбрехт и Дитер, вот уже 25 лет не выходят из своих хором: у старого Альбрехта – мания преследования, у дряхлого Дитера – страх открытых пространств. Сидят взаперти и молчат в тряпочку с кислородом. А что еще делать, если все уже есть и ничего уже не надо?..

На пляже, как всегда, воочию видно, что границы дозволенного в головах людей отнюдь не закаркарованы, а все время активно перемещаются. Вот дама сидит в шезлонге, раскинув ноги до упора и тщательно растирая голые ляжки кремом. Другая упорно массирует голые груди, а через полчаса, уходя и ступив на асфальт, будет стыдливо озираться, чтобы приподнять юбку и ополоснуть ноги от песка.

Ничего страшнее голых старушечьих грудей нет на свете. Вообще «хомо голый» безобразен в общем и в частности. По сравнению с цельным, стройным и совершенным зверьем он развинчен и разболтан, его психика в разладе с его физической, желания далеки от возможностей, а сам он давно утерял связь с природой и братьями своими меньшими.

А в природе, кстати, нет гепардов в депрессии, толстобрюхих страусов, жирафов с тройным подбородком или обезьян с давлением – все подобные уроды вымирают или погибают, не в пример людям, придумавшим медицину и прочие уловки для игры со смертью.

Но смерть шуток не понимает и рубит с плеча. И чем больше ее дразнить наукой, лекарствами и прививками, тем злее будет она мстить войнами, морями и прочими революциями.

На пляже особь расслабляется, млеет и дурнеет. В голову лезут глупые мысли типа того, как хорошо было бы ничего не делать и всю жизнь лежать на пляже. И вообще жить в покое, как звери и птицы, которые не делают из жизни комедии или трагедии, а жи-

вут, радуясь солнцу, прячась от хищников или дождя, а жизнь свою заканчивают без суеты и истерик.

В солнечном вареве мысли катятся градом.

Чем-то недовольный, ветер взметнул песок. Пляжное лежбище пошуршало, побубнило, отряхнулось – и опять впало в загоральное беспамятство.

Солнцу (как и зверю, ветру, волне, угрозе) надо показывать лицо, а не зад. Молятся на восток, а не на запад. «Зад» и «запад» сближены не только морфологически, но и лексически.

Говорят, что люди борются за место под солнцем. Но там, где солнца много, начинается беспощадная борьба за тень.

Солнце сквозь воду попадает на камни дна, отчего камни кажутся кусками янтаря или шкурой ящера, с ромбами впадин и золотым окоемом бугров.

Где нет камней, там песок. Под водой он вязок, хорошо держит след. Увеличенные водой, следы – словно развалины древних городов, если смотреть с высоты птичьего полета.

В небе цепенеет рваное облако-медуза. Как белое привидение, оно пялится на землю дырами голубых глаз. Все подернуто дымкой кейфа. Изредка ветерок рвет с прибоя водяную пыль и осыпает ею людское бежево-коричневое месиво, которое, поурчав и побурчав, затихает в жаркой истоме.

Чтобы равномерно загореть, надо выбрать на пляже точки А и Б и, как маятник, ходить между ними. Тогда солнечная полировка ляжет ровными слоями. В качестве ориентиров лучше всего выбирать молодых девушек, на которых еще не противно смотреть.

На пляже люди превращаются в детей, дети – в зверей, а звери – в людей: собаки в намордниках, кошки на веревочках, хомячки в клетках ведут себя чинно-спокойно, хотя явно недоумевают, как можно столько времени торчать на солнце.

Пьяный немец (пьянец) у пляжного ларька: пива ему уже не дают, закрыли створки, продавщица вышла и спряталась под навес. Но пьянец упорно стучит в окошко, царапает его, чмокает, гладит. Потом, еле шевелясь, ползет вокруг ларька. Но и там – один большой и красноречивый замок. Тогда он возвращается к окошку, бодает его лбом, трется ушами. Тщетно. Никого. Пусто. Нет материнского молока-пива, нет отцовских сосисок. Продавщица выглядывает

из-за зонтов. Пьянец вскидывает руку в подобии унылого зиг-хайля, потом машет ею в бессильном отчаянии и бредет в тень пальмонады, откуда недобро светятся белки негров-разносчиков.

Говорят, что Адя Гитлер и Сосо Сталин были больны эхолоалией, но что это за болезнь – никто не знает.

Бог посылает войны, чтобы человечество могло обновляться. Без войн нет ни технического, ни архитектурного, ни научного прогресса. Другой вопрос – зачем он, этот прогресс, вообще нужен, если за него надо так дорого платить? Чтоб очередной брокер мог бы быстрее слетать туда, куда его так тянет долларовая нужда? Или какой-нибудь абраморабисоломонсонштейн мог бы вдвое быстрее перекачивать нефть из Сибири в Цюрих или Лондон?

Но память у человечества коротка. Все самые страшные события попадают в разряд архаизмов лет уже через тридцать-сорок, а через пятьдесят становятся историей, где нет ни страданий, ни пыток, ни камер, ни крови, а есть только светлые имена – Рамзес, Наполеон, Ленин, Мао, которыми гордятся глупые народы...

Кто-то уходит от жизненных невзгод в запой, кто-то – в секс, кто-то – в еду. Запой – лекарство бедняков. Еда – секс старости.

Испанцы говорят, что в день с человека должно спадать столько волос (с головы, ресниц, бровей, тела), сколько ему лет. Если спадает больше – значит, процесс «дело – труба» идет ускоренными темпами.

Слово «карат» произошло от греческого «кератион», что значит «стручок рожкового дерева», вес зерен которого всегда равен 0,2 грамма. Заметив это, наши предки стали взвешивать алмазы с помощью этих зерен. Потом зерна исчезли, появились весы, но слово осталось. И алмазы, конечно. Что победит в будущем? Слово, конечно, тверже пирамид и острее топора, но с помощью алмазов его легко смягчать и тупить.

Оказывается, по легенде, город Барселону основал Ганнибал. Он дошел в своих походах до этих мест, заложил город и назвал его в честь своего отца, которого звали Барка.

Когда архитектора Антонио Гауди спросили, почему он так долго строит свой храм, он ответил: – Мой заказчик – Господь Бог, а ему спешить некуда!

На доме Гауди в Барселоне: колонны – слоновьи ноги, балконы – маски, перекрытия – кости, трубы – уши-туши, крыша – рыба чешуя.

Странная надпись мелом на мшистой стене церкви: «tit, titan, titanik, titanikum».

Все встреченные в Испании бывсовлюди отвечают о своих занятиях более чем туманно, сдержанно и расплывчато: «транспортировка сырья», «снабжение продуктами питания», «поставка запчастей», «контроль за качеством». Что и откуда – не уточняется. Все очень следят за своей речью – на всякий случай. В советское время люди были куда более открытыми и откровенными, несмотря на все КГБ. Им было, в сущности, нечего скрывать, все жили примерно одинаково. Сейчас надо скрывать все – нищета и богатство одинаково отвратительны для окружающих, но опасностей для богачей куда больше, чем для бедняков.

На экскурсиях наши люди сбиваются в ненавязчивые кучки, в центре каждой хлопочет словоохотливая женщина средних лет, которая уже все повидала, всюду была и знает несколько слов на нескольких языках. Она уверенно ведет за собой народ, который много ест, все хочет посмотреть, всюду успеть и все подешевле купить.

От черной комедии советских трех единств (живи на одном месте, в одном времени и делай то, что велют Правдины-Известины) оказалось рукой подать до театра псевдокапиталистического абсурда, где никто никому не нужен, но всем нужны деньги, которых почему-то всегда нет.

Денег должно быть не мало и не много, а средне. Если мало – человек зависим, сдавлен, сжат, связан по рукам и ногам. В нем копится отчаяние, угодничество, озлобление, страхи. Если много – человек опять сдавлен и связан, хоть и по другим причинам: его обуревают комплексы, мании и страхи, часто небеспочвенные, ибо всякий, высунувший голову из окопа, рискует ее потерять раньше других. Если же денег средне, то все довольны, включая родных и близких.

А сколько это – средне? А чтоб не присматриваться с тоской к ценам в магазинах (но и в бутики не заходить); ездить по всему миру (пусть вторым классом); дать детям и родителям необходимое (но не лишнее), а самому не бояться будущего, как петли и виселицы, и обеспечить себя в старости теплым углом, горячим чаем, интересным романом.

А главное – чтобы можно было самому регулировать в своем углу уровень тепла, выбирать сорт чая и снимать книги с полки.

«Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» – повторяют к месту и не к месту. А Гете, между прочим, использовал императив от глагола *verweilen*, что значит «приостановись, подожди» («*Augenblick, verweile...*»). Ему было ясно, что остановить ничего нельзя, тем более время. Так что притормози, мгновение – и дуй себе дальше!

2003 год, Салоу, Испания

рыбу, возились с копьями и кресалом, раздували костры, думали о чем-то, предполагали идти куда-то по кажим-то своим первобытным надобностям...

Говорят, что нас от обезьян отделяет четырнадцать тысяч поколений. А сколько – от первых разумных людей?

Утром, часов с девяти, в мире полностью властвует солнце. В небе чиркает чирок. В море прыгает нырок. Прочертил чирок черту. С рыбой хорошо нырку! Каждый чирок – знай свой чертог, не перепутай шесток!

Извечный деловой снуеж муравьев по земле. Хоть для кого-то ты – бог и Будда, глыба спуда.

Муравей встретил соловья у ручья: ушел из-под когтя, но угодил под клюв. Фатум-рок назначил срок.

Чертит птица свой чертеж, в небеса ей невтерпех.

Солнце испанское гжуче, солнце латинское лучше – заботливо-ласково, властно-лениво, не инквизиторово огниво: жет и знает, что слаб человек, уродец и гном, не одолеть ему лучей подъем.

Порхнул «порше», прошуршал «мазерати». Ярко-желтый «ламборджин» выплывает из пучин. Порше-поршок, золотой гребешок, серебряна головушка.

Говорят, какая-то женщина тридцати лет копила на «феррари», во всем себе отказывала, пахала на двух работах. И купила – подержанную, битую, за триста тысяч... Ездить на ней невозможно – только смотреть. Итог жизни глуп и жалок. Психически больная женщина могла бы подать в Страсбургский суд на тех, кто свел ее с ума рекламами, но таких, к сожалению, много.

Другой козлотур, белорусский олигарх, купил «ламборджини», привез его в Минск на трайлере, сел за руль и через метр завяз в первом снегу. А зима только начиналась.

Мой родич Швагер (тут он Коньятто – так по-итальянски «зять», муж сестры жены) повез всех в глухую деревню, где в ресторане принялся расхваливать кухню:

– Ах, тортелини, ах, ригатони! Фантастико макарони! Оптима квалита! Феличита! – хотя макароны и есть макароны.

С большой помпой выбиралось горячее. Известно: чем больше в меню перечислено всякого: «бифштекс с тем-то и тем, с розмарином да с тмином», тем меньше будет дела на тарелке. Принесли по кусочку жареного мяса с картошкой-фри, салат (не из

небесных гребешком), вино в пять-шесть градусов. В общем, чем наш стол начинается, тем итальянский заканчивается. Хорошо, что напоследок хоть хлеб со стола удалось стащить, чтобы потом с колбасой съесть.

Если в Арабистане цены надо делить на три, чтобы узнать реальную стоимость вещи, то в Италии – пополам. В Испании все дешевле вдвое.

А зять-Коньятто бляел и восхищался:

- Таких ригатони нет в мире! Классико! Фантастико! Брависсимо! Такое сорбе (кислое барахло в стаканчике, у нас за семь копеек лучше было) ели патриции, а снег им приносили с гор!
- Судя по цене, его и сейчас с Эвереста доставляют! А по поводу тортелини могу только сказать, что им еще расти и расти до хинкали. – Я прервал поток его похвал.
- О, хинкали – это да! – согласился зять, который ел хинкали на Крестовом перевале и забыть этого не может (еще, как истинный немец, он особо отметил купаты с гранатными зернами). Он ел хинкали и сравнивал себя с Прометеем, сидящим на привязи в Кавказских горах, но я напомнил ему, что Прометей ничего не ел, это у него выдали печень (под желчным соусом).

Итальянец тебя обманывает с улыбкой, ужимкой, усмешкой, а испанец – с хмурой рожей, свысока, через губу.

Продавцы воздуха и природы, итальянцы свели с ума мир всякими глупостями. Все – пшик и взблеск, бурливой речи плеск, макароны, тесто – престо, престо, бене, скузи, не прожить вам без джакузи! У нас – лучшие в мире макароны, очки, туфли, платья, шифоны! Кожа, кофе, брюки, сыр! Краски, море и амфир!

Наутро в похмелье ворвались крики жены:

- Вставай! Нас обворовали!
- Кого? Когда?
- Всех. Ночью. Ты спал, как бревно, а тут воры ходили!

Мы все – четыре пары – жили на втором этаже, балконы один за другим. Утром кто-то из нас пошел купаться: под балконами валяются наши паспорта, бумажники, сумки, шорты... «Ничего себе вчера погуляли – паспорта с балконов кидать!» Начал собирать. Выяснилось, что денег нет. Но ни карточек, ни документов, ни фотоаппаратов домушники не взяли – только деньги. Хорошо еще, что не все деньги пропали – прошлись воры только по балконам и по смежным с ними комнатам (где я, напри-

мер, спал как бревно), а во вторые, где сейфы, не влезали...

В итоге – общая недостача – около пятисот евро плюс мобильник с телевизором (евро в восемьсот). Неплохо для пяти минут работы. А мы отделались легким испугом. Хорошо, что документы, карточки, паспорта не тронули. Как легко сделать человека счастливым! Сначала надо крикнуть «У тебя все украли!» – а потом объявить, что украли только деньги – и человек счастлив до умиления: спасибо, родные, что паспорта не взяли! Полная эйфория!

Я высказал предположение, что сделали это дети, внуки или племянники хозяев пансионата или кто-нибудь из родни – козья нога не дремлет, пусть бамбины тренируются на лохах, приехавших на черных автомобилях. Почему не в первый день обокрали? А дали распаковаться, понаблюдали, кто где спит. Увидели, что мы балконных дверей не закрываем, уехали в ресторан (значит, выпьем). И ночью, дав заснуть, проникли. Один перелезал с балкона на балкон, брал вещи и швырял их вниз, второму, который вытаскивал деньги, а остальное кидал на землю (брошенные кошельки, сумки, косметички, шорты лежали не в общей куче, а строго под теми балконами, где жили их хозяева). Благодарно! Могли ведь унести прочь или выкинуть в мусорные бачки! А не сделали, вежливо оставили. Спасибо вам за это, ребята. Это благородно. А дураков обувь никогда не вредно.

На наши жалобы портье покивал головой, сказав, что он предупреждал, чтоб закрывали двери и окна, и ввернул анекдот об итальянских ласковых ворах: у людей украли машину, они бегают, убиваются; вечером машину вернули с запиской – мол, спасибо-извините, нужна была для дела, вот вам за беспокойства два билета в Ла Скала. Люди рады, хвалят воров за рыцарство и изящество, едут в Милан, слушают оперу, а вернувшись, обнаруживают, что их квартира ограблена дотла...

Потом портье сообщил, что недавно задержали то ли цыган, то ли румын – мальчишки лазили по балконам и кидали добычу папе, который проверял содержимое сумок и штанов.

Мы посетовали на цыган, румын и албанцев и несолоно хлебавши разошлись по комнатам. «Ничего, принесли малую жертву, чтобы не приносить большую», – подытожил я в уме.

Жена ругает меня пессимистом, а я думаю, что мрачный песси куда лучше вечно-веселого оптимиста (опти), вроде зятя-Коньятто, который восхищается мухой, не замечая за ней зловещего слона,

который так хорошо виден пессимисту. К тому же песси не так легко кинуть мордой в грязь – он готов ко всему, настороже, начеку. А опти постоянно перепадают тычки, пинки и затрещины, которых он совсем не ждет, занятый своим повседневным бляением:

– Ах, соборы-моторы! Витражи-виражи! Солнце-оконце! Дворик-садик! Картина-кантата! Фонтан-великан!

А песси угрюм:

– Ну, пришли мы в эту Пизу, увидели этот шедевр неудачливого архитектора, руки обрубить ему мало. Посмотрели, сделали круг, как на панихиде, – и можно уезжать: смотреть в этой Пизе больше нечего. Гонец из Пизы. Абзац из Гизы. Лучше сидеть дома – здоровее будешь. И Аль-Каида не взорвет.

Едем смотреть замок Габриеле Д'Аннунцио, столпа символизма и друга дуче. Дорога – мимо лохматых серебристых олив, мимо городков на холмах, где дремлют церкви в россыпи домиков и все колышется в солнечном мареве. Деревушки – как из картонной книжки-вставалки.

Замок – мрачное сооружение в нацистском (псевдоклассическом) стиле на вершине горы. С амфитеатром, галереями, залом, где выставлена подводная лодка (деревянная), на которой поэт-солдат плавал еще в Первую мировую. Там же вмурована в скалу настоящая палуба корабля. А сам поэт похоронен на самой высокой точке – саркофаг на столбе, вокруг, лучами, – десять саркофагов его друзей-соратников: Роберто Гиганте, Винченцо Розетти и такие ребята. Поэт подарил свою любовницу Муссолини, но ни дуче, ни ей этот подарок впрок не пошел: их вместе повесили вниз головой (о чем поэт написал поэму).

Оттуда поехали в городок Сирмионе, где крепость XIII века – четырехугольные, массивные башни из весомых булыжников. Камень парапетов отполирован временем до бархата. Зубцы стен – «кремлевские». Башни пристально вглядываются в море. Во рву трепещутся утки на плавучих гнездах. В воде фланируют рыбины, беспечно изгибают станы. По небу носится стая ошалелых птиц.

Улочки кривы и узки. Своды, переходы, тупики, замшелые камни, решетки. Один дом скрыт под фиолетово-красными цветами, словно они растут прямо из стен. По углам притаились «Валентино», «Версаче», всякие иные Гуччи-Шмуччи – искусители и обольстители рода человеческого, добрые джинны итальянской экономики.

Кстати, все встреченные карабинеры упитанны и толсты – копия наших советских свинообразных ментов-уголовников. Пусть лучше элегантный карманик обчистит власть, чем к ним попасться в снасть.

Вокруг много итальянцев. Звучит тысячелетняя латынь: прего, скузи, бонджорно, грация, кончерто гроссе, пиано и форте, спагетти, пицца – водой бы этой сказочной упиться...

Певучесть итальянского языка такова, что хочется повторять гармоничные звуки, легкие интонации, выпевать слышимое. Смысл не важен.

Когда латынь стала итальянским языком? Когда «римляне» превратились в «итальянцев»? Надо бы у Швагера спросить.

Лица итальянцев в массе очень интересны. Есть очаровательные невысокие женщины, с пепельными глазами и оливковой кожей. Носы у мужчин встречаются ой-ой-ой, кавказского разлива.

В одном дворце наткнулись на огромную картину Рубенса: лица как зады, зады как мешки, носы – мятыми картошками. Сразу видно, что моделями великому мясописцу служили не легкие южане, а грубые северяне.

«Картолерия». Здесь продаются бумаги, конверты, открытки, альбомы.

Магазин одежды «Ла Цанцарра». На тбилисском жаргоне «цанцара» – это человек, который всюду суется, суетится, надоедает, отчасти деревенщина. А на итальянском «цанцара» – это назойливая мушка-кусалка, вроде комара.

Старухи, сидя у ворот, отслеживают жизни терпкий лет: перемывают кости прибывшим в гости. Ведьмы черны, без зубов, а зубоскалят будь здоров: скузи, скузи, меццо форте. Проникают до аорты – с кем кто спит, кто как живет, сколько стоит сыр и мед, пармезано, чабатта, ла финестра, та горбата, этой волосы длинны, та виновна без вины.

Кто хочет быстро и широко потратить деньги под салюты и фейерверки, должен спешно ехать в Италию – там созданы для этого все условия: мышеловки заряжены лучшими в мире тортелини – подходи, влезай, получай. Где жил Катулл – теперь монетный гул. Там прятался бездомный Леопарди – плати за дух его и пряди.

Но кто хочет медоточивой речи, синего неба, лиловых связок сирени, цветов, растущих из стен, дремотной тиши – тот тоже должен спешить в Италию, где миг равен веку, а век – мигу, помноженному на жизнь.

В городе Мантуя – огромные кирпично-красные кубы дворца и башен, с фигурами на крышах. «Кремлевские» зубцы на фоне синего неба. Высоченные окна разделены двумя или тремя колоннами. Пузырчатая базилика с крышей, как крышка чайника. Стоит уже 800 лет. Внутри колонны, красный камень. Отверстие в полу, а там, глубоко, – крипта, первая церковь, вокруг которой настроена базилика, похожая на кастрюлю из кирпича.

Палаццо Дукале – дворец правителей. Угрюмо суровятся арки окон. Зал химер. Каменные столы с инкрустациями. Узорные потолки. На окнах – косяе жалюзи из черного дерева. На втором этаже – дворик и сад. На громадных потемневших полотнах все время кого-то жгут, пытаются, рвут клещами, бьют палками. Картина с рукой, которая все время показывает на тебя, куда бы ты ни отошел. Решетки подвалов, где сидели преступники. Галерея с мраморными бюстами императоров. Фрески в комнате, расписанной отцом перспективной живописи – Андреа Мантеней. Фреска – от итал. fresco – «свежий» (надо было быстро расписывать и покрывать раствором).

Древняя Падуя полна людей, движения, грохота, шума мотоциклов. Собирают столы после базара на площади. Перед кубом караван-сарая люди сидят в кафе. Дремотный кайф солнечного города. Опять круглая, как банка, пузатая базилика. На киоске написано «Газеттино». На велосипедах – старики с кошелками, загадочные маленькие стройненькие девочки с папками, парни воронова крыла с рюкзаками. Много молодежи. Немудрено – в Падуе самый старый университет в Европе.

Дом, где умер бунтарь Гарибальди. С его балкона малыш пускает мыльные пузыри на туристов, ужасно смущаясь при этом, но продолжая пускать.

Собор с мощами св. Антония описать невозможно – нечто потрясающее по внушительности и силе. Внутри опрарвлены в золото реликвии: нижняя челюсть, кончик языка и голосовые связки св. Антония. Тут же – его черно-белая туника. Отдельно – саркофаг с мощами. На саркофаге – фотографии тех, кого спас святой. Люди стоят, приложив руку к саркофагу, молчат, думают. Я тоже приложил. И камень стал теплым, сказал мне что-то, чего я не понял, но смутно ощутил.

Устав как собака, убитый пятой Падуи, я заснул на солнце возле бассейна и обгорел, словно индюк в духовке. И это перед завтрашней поездкой в Венецию! Как тут не станешь ярым песси? А для

баста, конец и финита, ничем уже больше не знаменита.

Дыхание вечности бьется в маленьких городках Италии, а не в цирковых комплексах.

Сейчас Венеция оккупирована бывшим советским людом. Он всюду. Часть пашет по-черному, часть гуляет по-белому. Столкнулись сразу, как сошли с катерка в ряд лавчонок, где маски, шляпки, сувениры, посуда. В глубине ларька пышногрудая, крепенькая девушка флиртowała с худощавым итальянцем с косицей – оба были явно тут при деле, и я спросил по-немецки у девушки, сколько стоит вон та порочно-невинная маска. Она ответила, сверкнув глазками. Я спросил про другую маску – носатую полуптицу в очках. Она ответила по-русски:

– Вы с Кавказа?

– Да. А что, видно?

– И видно, и слышно. Ой, люблю я ваш акцент, – всплеснула она руками и что-то пояснила чернявому Ромео, который настороженно замолк, вороша свою смоляную косичку. (А, руссо! – успокоился он и занялся другой покупательницей.) – Да. И акцент мне ваш нравится. И люди, – развила она тему.

– На этот счет мы могли бы поговорить подробнее, если бы не было рядом жены – сейчас она вон там, – указал я на киоск, где друзьями покупалось мороженое. – А вы откуда?

– Из Украины. Учусь и работаю.

– Хорошая работа – в райском месте адские маски продавать.

– Почему адские?

– Ну, что на них? Холодность, безразличие, пустота, брезгливость, равнодушие. А это все грехи.

– А вон там, – она указала рукой на другую сторону залива, – там Абрамовича яхта стоит. Он недавно прилетал, прямо с вертолета на воду спустился.

– Ага, как Христос. С небес сошел и по воде пошел, – понял я про застенчивого нефтяного Альхена, ставшего теперь брендом России (как раньше были «Ленин, Сталин, перестройка»). – Вот, кстати, и моя команда бредет, – указал я на наших друзей, красных от солнца и зеленых от качки катерка (вначале мы ошиблись, поплыли не в парадную сторону и обзрели пустые дома, сараи, ржавые причалы и пустые доки). – Но маску я у вас обязательно куплю, вот эту. Когда вы закрываетесь?

– Я тут до девяти, – ответила она, конкретно блеснув глазами.

Я кивнул, облизнулся и поплелся прочь, точно зная, что в девять меня здесь не будет и, очевидно, этот чернявый паренек будет качать ее на волнах своей нежности...

А насчет «Абрамовича» я еще в Германии заметил: если раньше, когда слышали-видели, что ты из Союза, то говорили: «А, Ленин, Сталин! Перестройка! Гласность! Горбачев!», то сейчас говорят – «Абрамович». Герой нашего времени. Сюжет таков: непокорный олигарх выслан из Москвы – нет, не в Тамань, а в Тюмень. Там он встречается свою знакомую по тусовке, Мэри, брокера консалтинговой компании. Между ними завязывается любовь, но подлый веролом Грушницкий-бухгалтер мешает им. Назначена дуэль на кредитных карточках. Олигарх убит заточенной Visa-кредиткой, которую тайно заострили по приказу царя-нефтедержца...

Через пять-шесть лотков встретился молдаванин, который вместе с итальянцем торговал стеклом и посудой. С ним перекинулись парой слов. Еще двое молдаван грузили на фуру какую-то мебель. Они объяснили нам, как добраться до моста Вздохов. И до этого, по дороге в Венецию, по-нашенски – прямо из грузовика с обочины шоссе, – пожилой молдаванин продавал фрукты и арбузы. Он попросил у меня сигарету: «Купить не могу, капо нету, отошел». – «Из Молдавии фрукты привез?» – удивился я. «Нет, из Сицилии». – «А, мафия послала продавать!» – «Ну».

Наверное, молдаван много потому, что им более или менее понятен итальянский. Ведь «кухонная латынь» – основа романских языков: итальянского, французского, испанского, португальского, ретороманского, сардинского, румынского и молдавского.

На площади св. Марка русская речь слышна повсюду, особенно возле бутиков, откуда вываливаются увешанные сумками и торбами от Гуччи-Шмуччи новые русские (так раньше были увешаны сосисками и мешками люди в «колбасных» поездах).

Впрочем, не новые (те спускаются на вертолетах и подплывают на подлодках), а полуновые полурусские. Или на четверть новые и на восьмушку русские. Или совсем не новые и вовсе не русские... В общем, наши люди.

Встречались и отдельно спешащие куда-то женщины с продуктами и детьми, явно не туристки, а тут живущие:

– Я Валерика только успела покормить – и опять на работу.

– Мне в магазин еще переть...

Наверное, русское крепкое слово «переть» произошло от латинского *per*, то есть – «в направлении», «на»: *per Venezia* = «на Венецию, в сторону Венеции».

Мясная мешанина на стенах католических храмов. Бесконечные розочки-виньетки, венки-завитки («красивое»), жирная сытая обильная позолота – словом, отрыжка богатства. Животное месиво гипса, мрамора, сусала.

Как все это чуджо строгой духовности православных храмов со скорбными ликами икон! И как чуджо самому Христу, ходившему с посохом и в рубище! Увидь он холеных епископов с гаремами мальчиков, стены храмов в мишуре – он бы ужаснулся! Изгнал бы их из Дома Божьего!

В нашей компании было всякой твари по паре: православные, католики, еврей, протестант. У всех свое мнение. Зять-Коньятто (протестант) сказал мне на ухо, указывая глазами на разодетого в тоги гладкого епископа:

– Если бы Христос видел его, он бы возопил: «Что надо тут этой обезьяне?» Я преклоняюсь перед православием, которое стоит, а не сидит в храмах! Фантастико! У папы мордочка злой хитрой лисицы, замашки поп-звезды и прошлое гитлерюгенда. Унико! Белиссимо!

Но тут грянул из купола органнйй аккорд, от которого сперло в зобу и пересохло в горле. И Бог потек по медным трубам, проникая во все живое, заставляя взглянуть на себя в жизни, среди живых и мертвых, спросить у совести, спокойна ли она.

Венеция разрушается, потому что ее подтачивают подводные волны от моторок и катеров, разрушают фундаменты домов. После моторок и прочего так называемого технического прогресса (после которого сразу наступает духовный регресс) развал Венеции пошел быстро и неостановимо.

Но Венеция не только стара и подагрична физически, она еще и огромный дом престарелых – молодежь уходит из города (по разным причинам). За последние десять лет население уменьшилось вдвое за счет оттока молодежи, не желающей быть официантами и продавщицами, а также из-за цен на жилье – жилых домов все меньше, а те, что есть, ремонту не подлежат.

Город-призрак, город-понт, где люди – статисты в туристическом цирке.

Истинная душа города умирает уже пять веков, не в силах сопротивляться духу наживы и сувенир-

ных лавок. Дешевая романтизация Венеции привела к ее реальной гибели.

На мои критические реплики жена стала упрекать меня в пессимизме и черно-очковстве. Да, я песси и скептик, и горжусь этим. И не хотел бы быть ретивым опти, который всем восхищен, умилен и доволен. Как можно быть таким сеньором Болванетти в мире, где за сумерками богов давно наступила их глубокая ночь? Пока боги спят, люди за сто последних лет с помощью технического прогресса успели провести две мировые, двадцать гражданских и двести локальных войн, а умнейшая нация умудрилась загнать мудрейшую в душегубки. Где же тут высшее провидение?.. Без микроскопа не разглядеть.

Боги не проснулись до сих пор. Озоновая дыра не срстется сама собой. Тропа хай-тека погубит все живое в обозримом будущем. А пока с неба спускаются новые пророки, которым человечество вдруг решило отдать миллиарды за их немислимые таланты, ум и гений. Застенчивые скромные нефтегазовые Альхены берут, не отказываются; обедают чем бог послал; отдыхают на Офшорах, где наводят шорох.

А у Христа не было тридцати сребреников, чтоб откупиться от Иуды...

По дороге из Венеции зять-Коньятто рассказывал: – Вон видите, там, на горе, замок Ромео и Джульетты? Это местечко Монтекио, откуда была семья Ромео. Грандиозо! А вон там, в деревушке на холме, могила Петрарки! Фуриозо! Там есть ресторан, где я ел отбивную из ослятины и тортellini с кониной – атанде! Такое не забывается! Унико! Грандиссимо!

Петрарка, отбивная ослятина, конина на холме... Куда ни повернись, на что-нибудь да наткнешься.

После Венеции – отдых. Опять такая жара с утра, что лопается кора. Блики от бассейна шмыгают по стенам, плещутся по балкону. Дети шумят и кричат в бассейне. Чем сильнее крики – тем резче прыгают блики. Бамбины и бамбинеллы играют в Дарданеллы: строят флот из пластика, паруса – эластика.

Праздность и нега итальяйского солнца. Всплывает в голове странное: могут ли муравьи плавать? Не отравится ли воробей, если выпьет хлорированной воды? И где у мыши нора? Чем питаются ящерицы? И чьи это купаются падчерицы? У кого что болит? Здесь натерли ногу, там купили тогу...

Мамаши с бамбинеттами плещутся в бассейне, папы лежат на шезлонгах, свесив брюха, подложив тряпье под ухо и похрапывая глухо. А какая-то тихая собака целый день из зарослей смотрит на бассейн, повизгивает от возбуждения, но в воду идти не решается. Детей зовут обедать:

– Якопо!.. Паоло!.. Николо!.. Темпо!.. Темпо!.. – (Наверное, так звали мамы когда-то со двора вертлявого Паганини, тихого Веронезе, смуглого Тинторетто...) – Якопо! Якопо! Аллегро! – зовут непоседу, а он с детьми у ограды копает преграды муравьям и гекконам, снующим в траве по вечным законам.

Когда расплачивались, хозяйка, дама с декольте, кассировав с нас (четырех пар) две тысячи евро за неделю, похвалила всех за хорошее поведение, а мне сказала:

– Bravo туристо!

Еще бы не бравый!..

В чужой стране можно прожить, зная одно-единственное слово: «Спасибо». Не «дай», «сколько», «нет», «иди к черту», а «спасибо». И если что-то не нравится, не надо обсуждать это с местными – это может завести далеко, куда дальше, чем нужно. И даже если тебя обворуют – не надо идти в полицию, дороже сядет.

Завтра уезжать, а жизнь в пансионате идет своим неторопливым чередом: семейства едят арбузы и дыни, гладят белье, варят «макарони», пасты и антипасты, ругаются помаленьку, читают газеты, слушают радио. Бамбины и бамбинеллы в куче устраивают бучи. Шумят, визжат, тащат в бассейн собачонку. Обливаются и лаются. И Якопо тут. И Паоло. И Луиджи. А непоседливый Николо гоняет мяч где-то около.

Едем обратно по Швейцарии. Горы покрыты щетиной леса. С гор сыпятся речки. Водопады бьют прямо из камней.

Когда проезжали перевал Сен-Готард, кто-то рассказал, что раньше у сенбернартов на ошейниках были прикреплены фляги с ромом, чтобы найденный им в снежном завале человек мог бы согреться. Но умные собаки научились свинчивать друг у друга пробки с фляг и пить ром, а потом, пьяными, валяться и беситься в снегах, отчего начались сходы лавины. Теперь их пускают бегать только поодиночке...

И я бы не прочь побегать в одиночку по озеру Гарда, будь денег побольше и меньше преград.

Но увы, закон сообщающихся сосудов неумолим: в голове густо – в карманах пусто (и наоборот: в карманах густо – в голове пусто).

После Италии ощущение такое, что человек побывал в раю, теперь сидит в чистилище и ожидает ада.

Какое счастье хотя бы на неделю избавиться от телевизора, газет, телефона, всякой дурной всячины! Как мало надо для счастья! И как много всякой дряни мешает этому! Человек изначально счастлив сам в себе, но мир приносит одни проблемы. И пусть веселые опти докажут обратное...

2007 год, Италия

